

ГЛАВА 1

— Вот гнилое это дело — людей мочить. Ну не пойму такого! — возмущался долговязый худосочный Оглобля, сжимая обеими густо татуированными руками граненый стакан с мутной жидкостью.

— А воровать — не гнилое? — Дюпель, заезжий бродяга, приземистый, широкий в кости, с низким лбом и оловянными глазами, икнул и мутно посмотрел на собеседника.

За длинным столом, заставленным закусками и бутылками с самогоном, не на шутку разгорелся околонаучный диспут о том, какая воровская масть предпочтительнее. Постепенно спор перешел в русскую мятущуюся достоевщину о слезинке ребенка, о человеке или твари дрожащей и о невинной крови. В такт словам шуршала игла патефона, проигравшего уже пластинку, но продолжавшего вращать ее, пока завод пружины не иссякнет.

— Ну, воровать — это дело святое, — с достоинством изрек Оглобля.

— А разбой? Про разбой что скажешь? — не отставал пытливый Дюпель.

— Тоже дело хорошее. Но мокруха... Тьфу. — Оглобля вдумчиво посмотрел на стакан в своих руках и опрокинул остатки его содержимого себе в глотку, с удовольствием крякнув. Загреб ладонью из алюминиевой тарелки горсть ядерной квашеной капусты и сосредоточенно захрумкал, методично двигая челюстью.

Лица гостей, собравшихся в просторном помещении с низким потолком, не внушали даже намека на доверие. Они могли иллюстрировать собой теорию Дарвина. По ним видно было с неотвратимой наглядностью, что человек произошел от обезьяны, но некоторые так и не дошли до конечной цели. Какое-то переходное звено — лбы низкие, лица иссеченные морщинами, во рту фиксы, телосложение, как правило, хлипкое или болезненно тучное. Хотя, может, и нечего на Дарвина пенять. Может, когда-то и были эти фигуры атлетичными, а лица приятными и светлыми. Но прошлась по ним тяжелым катком судьбушка, кидая то в голодные и холодные колымские лагеря, то в туберкулезные бараки, награждая ударами прикладов от конвойных и выедаая внутрененно-

сти дешевым самогоном на таких вот встречах по интересам.

Да и само сборище мало походило на английский клуб. От высоких материй тут разве что была картинная галерея, да и та в виде обильных татуировок. Именовались эти посиделки в просторечии «ямой» или «воровской малиной» — кому как нравится. И располагалась эта яма в Деляновке.

Деляновка, она же Деловая Слободка, — исторически самый криминальный район на окраине Светогорска. Когда-то здесь было село, жители которого грабили купцов на большой дороге. Потом построили бараки для рабочих маслобойной фабрики. Теперь села нет, от него остались лишь развалины церкви. И фабрика сгинула. А беспокойные традиции романтиков с большой дороги и маргиналов остались.

Длинное кирпичное строение в самых дебрях Деляновки когда-то было рабочим бараком. Сегодня оно гордо именовалось общежитием завода «Знамя труда», на котором трудилось много бывших заключенных. Их и расселяли здесь. И к ним тянуло, как магнитом, жулье со всего города.

В Деляновке вора — что своего, что заезжего — всегда ждут. Помогут при необходимости деньгами, а то и приспособят к делу. Но если работаешь воровским трудом на территории, занеси копеечку

ради уважения. Общак — дело святое. Зону греть надо.

Сегодня народу в яме набилось шесть человек. Фармазон, удачливый мошенник и частый здесь гость, кого-то успешно развел и притащил долю в общак. Ну и проставился перед братвой — самогончик, жратва, все по высшему разряду. Ибо для чего воровать, если не гулять на ворованное? Ну, и картишки — они так и летали, загоня кого-то в долги, а кого-то поднимая на крыльях удачи. Как же без картишек?

Залетного бродягу по кличке Дюпель в яму привел Оглобля. Они вместе чалились на одной зоне еще в 1950 году. А сегодня неожиданно столкнулись около центрального вокзала Светогорска. Пообнимались, поохали. И Оглобля задал ключевой вопрос:

— Завязал?

От ответа зависело дальнейшее общение. Или Дюпель остался другом и братом, и потому ему нужно почтение, или стал обычным прохожим, с которым побалакали да разошлись.

— Да куда там, — отмахнулся Дюпель с досадой. — Завяжешь тут.

— К нам каким ветром? Дельце присматриваешь? — хмыкнул Оглобля, зная, что Дюпель — знатный домушник и любые двери вскрывает влет.

— Попутным ветром, — неопределенно пожал плечами вор.

— Ну, тогда давай со мной в яму. Поклонись обществу.

Вот так Дюпель оказался в притоне. И теперь вел со старым корешем философский разговор.

— Так что кровушку — ни-ни! — крикнул Оглобля.

Дюпель махнул рукой:

— Эх, жизнь тебя мало била.

— А тебя много? — насупился Оглобля.

— Много. — Глаза Дюпеля стали злыми. — Поверь, что кота жирного подрезать пером за цапки, что в хату залезть — все одно. Главное — не попадаться.

Саша Циркач, невысокий, седой, мускулистый, выглядевший гораздо приличнее собутыльников и даже не слишком сильно татуированный мужчина в возрасте далеко за тридцать, слушал этот разговор, прикрыв глаза и привалившись к дощатой стене. Он упорно делал вид, что дошел до кондиции, ничего не слышит и ничего не понимает. Хотя было все с точностью до наоборот. Очень уж ему было интересно, куда этот разговор с заезжим уголовником заведет.

Особенность у Циркача была редкая и полезная — пьянел он очень медленно и никогда не те-

рял над собой контроля. Это обстоятельство не раз помогало ему, притом по-крупному. Вот как сейчас.

— А вы не опасаетесь тут так шумно гулять? — Дюпель обвел взглядом пьяное общество и заваленный яствами стол. — Стремно же!

— Не-а, — важно протянул Оглобля. — Мент сюда боится даже нос сунуть. Так мы себя на Деляновке поставили.

— Уважаю! — поцокал языком Дюпель.

Милиция и правда сюда не заглядывала, это было предметом особой гордости местных обитателей — мол, блатота настолько сурова, что даже власти ее стороной обходят. На самом деле не трогали эту малину благодаря Саше Циркачу. Почему — это тема отдельная.

Вообще, Саша Циркач был тут теперь за бугра. Дослужился после того, как вор в законе Куцый отправился к хозяину в солнечный Магадан.

— Дюпель, как на духу скажи, ты работать сюда приехал как волк-одиночка? — вдруг резко спросил Оглобля, прояснившимся и острым взглядом вперившись в собеседника. — Замки ломать?

— Да какое там, — отмахнулся тот. — На подхвате я. Взяли меня, как знатного шоферюгу.

— Домушника шофером? — посокрушался искренне Оглобля. — Ох, времена пошли!

— Так срослось по жизни.

— И куда рулишь?

— Да несколько адресочков по области надо навестить, — поведал Дюпель. — Потрясти толстых и богатых.

— Кого трясти будете?

— Осколки темного прошлого. Попов мы щиплем. Да так, что только перья летят, — с гордостью доложил Дюпель.

— Вот оно как. Ну что ж, дело хорошее.

— Богоугодное, — хмыкнул Дюпель, которого развозило все больше, и он уже не мог остановить поток слов. — Кровососы они, попы эти. Вон, в Березах один такой пристроился. Как клоп насосался. Опиум для народа, едрить его в корень!

— Все равно непорядок, — веско объявил Оглобля. — Общаку должны доложить, что работать в наших местах будете.

— Так я винтик мелкий. А бугор у меня такой... Ему этот общак до одного места. Ох и страшный, аспид. У меня от него колики в печени. Как зыркнет. — Дюпель пьяно всхлипнул.

— Кто ж это такой сурьезный? Я его знаю? — заинтересовался Оглобля.

— Копач погоняло. Случайно нас нелегкая свела. Ему шофер-механик нужен. А ты знаешь, я все

могу. Но... Сто раз раскаялся, что связался с душегубом.

— Он по мокрухам, что ли?

— Да ну, ты знаешь... — заюлил Дюпель.

— Стоп! Я в душу не лезу. Дело твое. Но запомни, бродяга. Кража — это да. А мокруха — подлое дело. За это и выпьем.

Звякнули стаканы. Старые кореша выпили и постепенно начали погружаться в пьяную дрему.

А у Саши Циркача нарисовалась проблема...

ГЛАВА 2

Колдырь сейчас походил на великомученика со старинных картин маслом. Сгорбленный, исхудавший, испытый до посинения, несчастный, он с видимым физическим и душевным усилием скорбно толкал перед собой тачку, с верхом груженную всяким барахлом. За ним уныло плелся, поскрипывая сапогами, участковый Станислав Семенович Павлюченко, ритмично постукивавший ладонью по висевшей на боку потертой офицерской сумке. Завершал шествие молодой, долговязый и огненно-рыжий оперуполномоченный Заозерного РОВД лейтенант милиции Порфирий Васин.

Глядя на воришку, семенящего впереди с тачкой, лейтенант ощущал себя отягощенным возрас-

том мудрецом, познавшим жизнь. Это раньше он подпрыгивал бы от радости, поймав за руку злоумышленника, и трепетно мечтал бы о скупой похвале начальства. Сейчас он уже опытный усталый опер, как-никак целых двадцать шесть годков стукнуло, и четыре года стажа оперативной работы. Четыре года — это для обычного человека немного. А для опера — как на войне — год за три, не юридически, так психологически, это целая жизнь. Поэтому надо быть степенным...

Но вот выглянуло из-за облаков майское солнышко, упало лучами на лицо. И стряхнуло с него всю степенность. И снова детская радость — а здорово он этого воришку взял. На раз вычислил... Хотя и воришка-то мелкий, и вычислить его — дело плевое. Но все же радостно.

Предшествовало этому скорбному шествию то, что Васин в то шепутное утро бегал как угорелый, проявляя, как пишут в приказах по отделу, настойчивость и оперативную смекалку. Очень уж ему хотелось раскрыть кражу и не марасть ей отчетный период.

Ночью из частного домовладения на окраине поселка городского типа Заозерный, где проживала парочка пенсионеров, стащили кучу вещей — инвентарь, лопаты, грабли, какие-то тазы. Не побрезговали даже сушившимся на веревках бельем.

Вроде мелочовка, но объем получился приличный, и по кошельку старых людей это сильно ударило. Пенсионерка об этом долдонила настойчиво, картинно заламывала руки:

— По миру пустили, ироды! А милиция куда смотрит?!

С участковым Васин наскоро оформил протокол осмотра, взял заявление. И встал вечный и сокровенный для опера вопрос — кто украл? Ну, тут версия одна — местные алкаши. Им вечно на бутылку не хватает. Кажется, раскрыть такое дело — проще простого. Пройтись по забулдыгам местным — кто с утра пьяный, тот и вор. Но вот только забулдыг этих в округе — как собак нерезаных, в отличие, кстати, от свидетелей ночной кражи. И обходить их можно долго.

Но зачем обходить? Васин в школе учился отлично и хорошо помнил закон сохранения вещества — если что-то где-то убыло, то в другом месте столько же прибыло. Если что-то сперли, то где-то это будут продавать. И потому главная заповедь сыщика — ищи сбыт. А сбыт у алкашей в округе один — колхозный рынок в Заозерном.

Сразу от потерпевших он вместе с участковым туда и отправился. Прошлись неторопливо по торговым рядам под дощатыми навесами, не сильно многолюдным в среду. Вслед им неслось: «ку-

пи яблочко», «попробуй капустки». Вот в выходные здесь не протолкнешься. А сейчас спад активности. Народу мало, а краденых вещей так и вообще нет.

Но Васин не унывал. Он попросил участкового походить-побродить кругами, а сам бодро направился в дощатую будку-сарай слева от входа на рынок, на котором сияла корявая вывеска «Изготовление ключей и починка всего». Под надписью еще более коряво был нарисован ключ.

Старый слесарь из башкир, который держал эту лавку, руки имел золотые и правда чинил все, что можно. А еще он был надежным и инициативным информатором: знал обо всем, что происходит на рынке.

— Физкультпривет мелким буржуям! — Васин поднял руки в спортивном приветствии на пороге хлипкого дощатого строения, заваленного металлическим хламом и инструментами, с крошечным окном.

— О, начальство пожаловало, — добродушно осклабился башкир. — И опять без портфеля.

— И без шляпы, заметь, — добавил Васин, присаживаясь на табуретку перед стойкой.

— Нет в тебе степенности, Порфирий! Тебе бы брюшко отрастить да брови густые. Тогда бы и выглядел как начальник. А сейчас вызываешь недоверие.